выдуманным именем – ником, что дает возможность нарушать нормы речевого поведения и выходить за рамки дозволенного. Это, безусловно, обуславливает характер лексических единиц текста-комментария: в нем преобладает эмоционально-оценочная, стилистически-сниженная, зачастую, ненормативная лексика.

Такая типобразующая характеристика текста микроблога, как мультимедийность, обусловила появление нового подвида реакции «оценка» – поликодовой оценки, ранее не встречающейся в материалах исследований, проводимых с использованием методики «встречного текста». В реакциях данного вида эмоционально-оценочные суждения выражены не только вербально, но и посредством отличного кода – изображения или эмотикона.

Таким образом, в рамках настоящего исследования было установлено, что характерные особенности текста микроблога оказывают воздействие на универсальные речемыслительные механизмы реципиента данного типа текста и влияют на способы их вербальной экспликации в комментариях как «встречных текстах» преимущественно оценочного характера.

1. Новиков, А.И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983. – 216 с.
2. Новиков, А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания// Вопросы психолингвистики. Текст: восприятие, понимание, интерпретация. – М.: 2003. – №1. – С.64-76.
3. Пешкова, Н.П. Типология научного текста: психолингвистический аспект: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 261с.
4. Пешкова Н.П., Давлетова Я.А., Моисеева А.В., Титлова А.С. Текст как инструмент вербального воздействия: психолингвистическое исследование на материале текстов различных типов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – 328с.
5. Титлова А.С. Прецедентность текста микроблога// Межкультурная-интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации. Материалы международной научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С.241-245.
6. Титлова А.С. Типообразующие признаки текста микроблога и их влияние на процессы понимания// Вестник Башкирского университета. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 501-505.

Хетагурова Д.К.

Нет пророка в своем отечестве: проблема избранничества в русской и осетинской поэзии XIX – начала XX веков («Пророк М. Ю. Лермонтова», «Æнæмæт адæм» («Беспечные люди») А. И. Токаева)

*ФГБУН Федерального научного центра «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-09-2020-126

idsp: ljjournal-09-2020-126

Аннотация

В статье рассматривается специфика избраннической тематики в романтизме («Пророк» М. Ю. Лермонтов) и осетинском символизме («Æнæмæт адæм» («Беспечные люди») А. И. Токаева). Цель работы — проследить, как тема пророка-избранника отражена в лирике Лермонтова и Токаева, на каких особенностях характера лирического героя акцентируют внимание поэты, как представлена проблема противостояния личности и толпы. В результате анализа выявлены общности в трактовке образа поэта-провидца, обусловленные как сходством мировоззрения авторов, так и несомненной преемственностью эстетических идеалов символизма и романтизма. Научная новизна работы обусловлена тем, что сопоставительный анализ лирики М. Ю. Лермонтова и А. И. Токаева в выбранном аспекте впервые становится предметом научного исследования.

Ключевые слова: пророк; избранничество; поэт; романтизм; символизм; лирический герой; М. Ю. Лермонтов; А. И. Токаев.

Abstract

The article describes the features of chosenness in romanticism (“Prophet” by M. Y. Lermontov) and Ossetian symbolism (“Careless People” by A. I. Tokaev). The purpose of this work is to trace how theme of “chosen”, “prophet”, are reflected in the lyrics of Lermontov and Tokaev; which peculiarities of the character of a lyric hero are being accentuated by the poets; how the problem of confrontation of personality and crowd is presented. In the result of the analysis revealed similarities of interpretation of the forms of a poet-prophet, specified by the similarities of the ideologies of the both authors, as well as undoubted continuity of the aesthetic ideals of romanticism and symbolism. The novelty of the work is conditioned by the comparative analysis of lyrics of M. Y. Lermontov and A. I. Tokaev, and in a chosen aspects became a subject of a scientific research first time ever.

Keywords: prophet, chosenness, poet, romanticism, symbolism, lyric character, M. Y. Lermontov, A. I. Tokaev.

Для осетинской литературы (со времени возникновения в конце XVIII века и по сей день) помимо фольклора и национальной художественной культуры значительным источником развития являются традиции русской литературы. Ощущается это на идейном уровне, сюжетном, эстетическом.

На формирование мировоззрения известного осетинского поэта, драматурга, художника А. И. Токаева (1893-1920) огромное влияние оказала культура русского романтизма и символизма. В большей степени его лирику можно отнести к символизму из-за отражения актуальных тенденций времени и творческих исканий поэта. Тем не менее элементы обоих художественных направлений присутствуют в поэзии Токаева, что вполне естественно.

Особая связь эстетики символизма и романтизма очевидна: обоюдная увлеченность фольклором, мистикой, остро стоящий вопрос разрыва идеала и действительности, при этом путь преодоления проблемы различный. Общность романтизма и символизма прослеживается также в характере лирических героев, в их повышенном индивидуализме, обособленности и противопоставленности обществу обывателей. Сверхчеловеческие качества объединяют личность романтическую и символическую. Важнейшим классиком для поколения символистов был М. Ю. Лермонтов (1814-1841). Значение его творчества для всей культуры символизма первостепенное. По словам идеолога символизма В. И. Иванова Лермонтов – «первый в русской поэзии затрепетавший предчувствием символа» [2, с. 597]. Лермонтов – предтеча всего русского символизма с его индивидуализацией, мистическим настроением, погруженностью в трагизм жизни и в собственные экзистенциальные искания.

Несомненное сходство в образах лирических героев прослеживается в стихотворениях «Пророк» (1841) М. Ю. Лермонтова и «Енаэмэт адæм» – «Беспечные люди» (1915) А. И. Токаева.

Принято считать стихотворение «Пророк» Лермонтова своеобразным ответом на текст А. С. Пушкина («Пророк», 1826). Если герой Пушкина, наделенный пророческим даром от Бога, ниспослан на землю «глаголом жечь сердца людей», находится в начале своего грандиозного пути, то пророк Лермонтова представлен как тот, кто уже попытал счастья нести божественный свет людям – глубоко разочарованный, уставший, один среди толпы:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистыя ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменя. [4, с. 347]

В случае сравнения текстов Лермонтова и Токаева нам интересны как несомненные библейские параллели, так и отсылка к самому образу поэта-пророка, Избранника, «тайновидца и тайнотвордца жизни» [2, с. 596]. Поскольку именно Поэт наделен даром проникать в трансцендентное и постигать суть человеческой души, ему одному возможно осознать тайны бытия. Люди искусства, как писал В. И. Иванов, в которых побеждает сверхличностное, «в большей или меньшей степени, являют черты лермонтовского Пророка» [3, с. 729]. Все поэты символисты, и старшие, и младшие, вышли из индивидуалистической поэзии М. Ю. Лермонтова: «Мифопоэтический универсум Лермонтова как выражение <...> безграничного Я становится значимым для Серебряного века с его устремлениями к отражению микрокосма души в макрокосме космического пространства» [9, с. 108].

Пророк Лермонтова демонстрирует личность, постигнувшую суть истины, но оставшуюся при этом непонятой людьми, как в свое время и Иисус, судьбу которого он в некоторой степени и повторяет: отвергнутый, побиваемый камнями.

В стихотворении «Енамаэт адам» («Беспечные люди») Токаева лирический герой повторяет путь лермонтовского пророка, чувствуя свою обособленность и уникальность, он не находит отклик у равнодушной массы «беспечных людей», поэтому происходит столкновение страдающего Избранного и толпы, которую его инаковость только пугает:

Мән гъеныр дисәй фәрсынц:
«Цәмәән әппарыс дә цард?
Цәмәән дә фыдыхуыз, әнкъард?» —
Мә фәстә джихәй кәсынц.

Мәлләг хъәләсәй зәгъын:
«Уәдә куыд? Цы кәнон ныр әз?
Мә удән куына и фәрәз
Сымахау... Зын у цәрын...

Мә фәстә дуртә әхсынц.
Цәуын сындәггай әз дәр.
Фәрыст сә дзырдтәй мә сәр...
Дзурынц... Худынц... Хәрынц...
[10, с. 162]

(Здесь и далее тексты А. Токаева с сохранением авторской орфографии и пунктуации, приводятся в подстрочном переводе автора статьи – Д. Х.)

Меня теперь удивленно
спрашивают:
«Почему бросаешь жизнь свою?
Почему ты изможденный,
печальный?» -
Вслед мне остолбенело смотрят.

Слабым голосом отвечаю:
«А как иначе? Что мне делать
теперь?

Моя душа не выдерживает
Как ваша... Трудно жить»

Вслед мне камни бросают.
Ухожу медленно и я.
Разболелась голова от их слов...
Болтают... Смеются... Едят....

И пророка М. Ю. Лермонтова и лирического героя А. И. Токаева толпа побивает камнями – это библейская кара за определенные прегрешения: богохульство, волхование, идолопоклонство и др. Несомненно «беспечные люди» воспринимают лирических персонажей как отступников, ведь все, что непонятно, вызывает страх, отторжение и желание избавиться. Поэтому известная цитата «нет пророка в своем отечестве», рожденная из евангельского стиха (Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 13, ст. 57) «...Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем», относится в равной мере к героям Лермонтова и Токаева, люди не верят в избранничество того, кто рядом, не видят свет, который они несут, изгоняют

пророка из общества. Относительную гармонию такие личности могут найти только с природой и животным миром, для которых предрассудки человечества не характерны:

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя. [4, с. 347-348]

Герой творчества Токаева также Избранный, не такой как все, наделенный даром пророчеств и постижения мистических тайн: «Æз зонын тæхын уæларвмæ, дзурын зæдтимæ, хъазын стъалытимæ, æз атахин уæларвмæ. Æз зонын хауын дæлдзæхмæ, хъусын æнабын Дæлдзæхы мæлдзыджыты зарын, æз ныххауин Дæлдзæхмæ. [10, ф. 276] – «Я умею летать в небесах, говорить с ангелами, играть со звездами, я улетел бы на небо. Я умею падать под землю, слушать в бездонной пропасти песни муравьев, я упал бы под землю». Способность постигать крайности от небес до земных глубин, чувствовать единение с природой и животным миром – это все роднит героев Лермонтова и Токаева. В творчестве символистов старшего поколения влияние индивидуалистической поэзии М. Ю. Лермонтова особо ощущается. Так лирический герой Ф. К. Сологуба бежит общества людей и завещает:

По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи, -
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснется страх в твоей груди.

Оставь селенья, иди далёко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай. [8, с. 221]

Одиночество удел избранничества, это судьба пророков на земле. Концовки обоих стихотворений демонстрируют итог столкновения лирического героя и толпы. Побиваемый камнями, уходит от бездумных, праздных и бездушных людей лирический субъект Токаева, а лермонтовского героя осуждают старцы – символ «мудрости» в любом народе:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами?

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!» [4, с. 348]

Презрение, непонимание, осмеяние – это то, чего добивается любой поэт-пророк в мире обыденном, типичном, земном. Этот тернистый путь типичен для людей искусства, нельзя достичь высшей Сознания без страданий и испытаний. Как писал Ф. Ницше: «Кто хочет стать водителем людей, должен в течение доброго промежутка времени слыть среди них их опаснейшим врагом» [6, с. 727]. От Иисуса до наших дней ничего не изменилось – побивание камнями пророков в прямом и переносном смысле – реакция человечества на уникальность, непохожесть тех, кто отмечен светом Истины.

Путь героя Лермонтова – это дорога любого Поэта, ведь творчество – то, что нам даровано Богом, главным Творцом, отсюда неслучайно и наделение поэтов свойствами пророков, детей солнца, избранных, уникальных. Любой творческий процесс – это не только радость рождения, но и трудность развития, существования, – как писал классик русского символизма К. Д. Бальмонт: «Вечный творческий восторг / Этот мир как крик исторг» [1, с. 416]. Крик – символ времени рубежа веков, когда возник символизм, в трагических поисках Абсолюта и Истины.

Герой Токаева также остается непонятым толпой, которая отвернулась от него как от прокаженного, человека с больной душой. Он такой и есть, его душа болит за все человечество, он, наделенный Разумом, стремится найти истину, постичь суть бытия и облегчить людям их существование.

Связь символизма и романтизма еще и в том, что Лермонтов обозначил суть проблемы, а символисты довели ее до предела: поиски человека-избранного, поэта-пророка. Как писал Г. Миллер в своем эссе «Моя жизнь и моя эпоха : «Я говорю об <...> людях с истомленным духом, ибо именно в изгоях обретала себя духовность. И именно духовность подвергалась крестным мукам в XIX столетии» [5, с. 180]. Герои Лермонтова и Токаева именно такие изгои с истомленным духом. Столетие началось с «одинокости» пророка Лермонтова и закончилось отчаянными исканиями символистов в мире, где «Бог умер», по словам Ницше, где человек утратил уверенность в будущем, «он ощущает себя потерянным. Он существует сам по себе, чего никогда прежде не было, поскольку в прошлом он был привержен традициям и обычаям. Сегодня горизонт пуст: нет великих поводырей, нет Моисея, который мог бы вывести нас из пустыни. Человеку ныне предстоит спасти себя самому.» [5, с. 181]. Поэтому так болит душа героя Токаева, поэтому он ищет новых путей спасения и просвещения людей и от того его путь так тяжел и тернист. Он стоит на пороге мира, в котором должно измениться всему, даже вере.

Таким образом, если «Пророк» Лермонтова – это ответ на одноименное стихотворение Пушкина, то искания Токаевского героя продолжают трагический путь лермонтовского пророка в мире, где он ищет примирения между небом и землей, в стремлении к глобальному обновлению и человека, и религии: «я не молюсь вашему старому Богу бейте камнями меня... я ищу я иду к Богу, за мною за мною друзья!» [7] .

1. Бальмонт К. Д. Костры // Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010. С. 415-416.
2. Иванов В.И. Заветы символизма // Иванов В. И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 588-603.
3. Иванов В. И. Копье Афины // Иванов В. И. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 727-733.
4. Лермонтов М. Ю. Пророк // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. Стихотворения. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, 2014. С. 347-348.
5. Миллер Г. Моя жизнь и моя эпоха / пер. с англ. З. Артемовой // Миллер Г. Время убийц: Эссе / пер. с англ. И. Стам, А. Зверева, З. Артемовой. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 161-273.
6. Ницше Ф. Злая мудрость. Афоризмы и изречения / Пер. с нем. К.А. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения в 2 томах. Т.1.М.: Мысль, 1990. С. 720-768.
7. Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 27. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.
8. Сологуб Ф. К. По тем дорогам, где ходят люди... // Сологуб Ф. К. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 7 (дополнительный). М.: НПК «Интелвак», 2003. С. 221.
9. Титаренко С. Д. Лермонтов и русский символизм: «дух готики» и трансформация романтической традиции // Соловьевские исследования. №1 (45). Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, 2015. С.102-115.
10. Токаты А. Уацмыста. Орджоникидзе: Ир, 1973. 308 ф